

Центр "Петербургское Востоковедение"
St.Petersburg Centre for Oriental Studies

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

St.Petersburg Journal of Oriental Studies

**выпуск 6
volume 6**

Центр
"Петербургское Востоковедение"

Санкт-Петербург
1994

Некоторые аспекты личной неприкосновенности в период Тан

В. М. Рыбаков
(Институт востоковедения РАН)
(Санкт-Петербург)

I. Общие замечания

Под неприкосновенностью личности современная юридическая наука понимает право гражданина на государственную охрану и защиту от противоправных посягательств кого бы то ни было на его личную безопасность. Личная неприкосновенность подразделяется на физическую (жизнь, здоровье), нравственную (честь, достоинство) и духовную. Нет нужды доказывать, что за правовыми конструкциями, оформляющими личную неприкосновенность, стоит колоссальный комплекс представлений о личности как таковой, о ее месте в обществе, о структуре общества, его ценностях и т. д. Чтобы сформулировать ряд запретов на нанесение личности физического ущерба, нужно как минимум перечислить все возможные способы такого нанесения и все формы такого ущерба. Чтобы защитить честь и достоинство, нужно прежде уяснить, что такое честь и достоинство. Чтобы защитить духовную свободу во всех ее разрешенных государством проявлениях (ибо в тех или иных своих проявлениях духовная свобода в обществах определенного типа сама, в свою очередь, является уголовно наказуемой), нужно очень четко представить себе эту самую свободу. Следовательно, во всех трех своих ипостасях представление о личности и, следовательно, о ее неприкосновенности, помимо аспектов общечеловеческих, будет иметь и аспекты специфические, присущие только данной цивилизации, данной культуре на данном этапе ее развития.

Более того. Всякий юридический запрет, если он не является пропагандистской трескотней, должен быть подкреплен той или иной карательной санкцией. Это для всех времен и народов самый наглядный критерий, позволяющий отличить государство, всерьез старающееся защитить своих граждан, от государства, лениво делающего вид,

что оно их защищает. Следовательно, чтобы установить меру наказания, соответствующую данному запрету, нужно предварительно представить себе иерархию важности этих запретов. А она неизбежно окажется зеркальным отображением иерархии ценностей, этими запретами защищаемых. Строгость наказания является точной количественной характеристикой важности запрета, то есть важности защищаемого этим запретом объекта, социальной связи, поведения, проявления духовной свободы и т. д. Ясно, что голову возможной жертвы разбойного нападения право всегда будет защищать строже, чем, скажем, палец; это биологический аспект существования любого человеческого коллектива, не имеющий никакого отношения к свойствам и особенностям данной цивилизации. Но уже разница в наказаниях за одинаковое посягательство на две разные головы скажет многое о социальной иерархии общества, а разница в наказаниях за разные способы посягательства на одну и ту же голову скажет не меньше о том, какие типы агрессии общество по тем или иным причинам — тоже, мягко говоря, небезынтересным — считает более недопустимыми. Само перечисление способов нанесения духовного ущерба скажет много о том, что, собственно, понимается под духовным ущербом, а следовательно, и под духом как таковым; сопоставление же мер наказания, полагающихся за тот или иной возможный ущерб, продемонстрирует, какие аспекты духовной свободы индивидуума общество считает более ценными для себя, а какие — менее.

Понятно, что в рамках отдельной статьи, пусть сколь угодно пространной, рассмотреть всю проблему невозможно. Мы остановимся здесь лишь на наиболее простом ее элементе — физической неприкосновенности, и локализуем ее на защите от некоторых видов убийства и действий, которые танское право ставило с убийством в ряд.

Как и подобает развитому праву сложного, насквозь пропитанного идеологией общества, танское право, насколько это возможно, старалось наказывать не столько преступное деяние, сколько преступную волю. Танские юристы прекрасно понимали, что само по себе совершение неправомерного, социально нежелательного действия еще не свидетельствует об испорченности сознания совершившего это действие индивидуума; гораздо отчетливее характеризует меру такой испорченности осознанное желание совершить подобное действие. Правда, наличие этого желания менее явно и труднее доказуемо — поэтому максимума строгости наказания достигали в ситуациях, когда доказательно наличествовали оба компонента: и предварительное намерение нанести какой-то вред, и последующее реальное нанесение этого вреда. В зависимости от развитости, зрелости вредоносного намерения одно и то же вредоносное действие свидетельствовало, с точки зрения сос-

тавителей танского кодекса, о большей или меньшей испорченности сознания преступника.

В соответствии с этой концепцией танское право выделяло три основные стадии созревания криминального акта — полную, когда реальному совершению преступления предшествовал вполне сознательный, заранее разработанный план; промежуточную, когда наличествовало лишь желание нанести данный ущерб, но само преступное действие было спонтанным, импульсивным; и, наконец, нулевую, когда, хотя наказуемый ущерб и был нанесен, результатом осознанного намерения или желания он никоим образом не являлся, а возник в силу случайности, оплошности, непредвиденных последствий ненаказуемого действия и т. д. Одно и то же действие во втором случае наказывалось легче, чем в первом, а в третьем случае — легче, чем во втором. Более того, в первом случае определенное наказание могло быть применено еще до реального совершения преступления; наказанию подлежало уже само сознательное планирование преступного акта, если оно могло быть неопровержимо доказано. Именно поэтому — в видах вящей доказательности — кодекс "Тан люй шу и" обуславливает наказуемость нереализованного замысла участием в сговоре не менее двух человек. Впрочем, тут же делалась оговорка: если наличие преступного плана может быть доказано бесспорно, то под соответствующую статью может быть подведен и один-единственный злоумышленник.

Преступления первой группы танское право называет предумышленными (*моу* 謀), второй — преднамеренными (*зу* 故) и третьей — нечаянными (*гоши* 過失)¹.

II. Ситуационные градации

Средненормальный стандарт наказания предумышленного убийства дает статья 256 кодекса.

Тот, кто умыслил убить человека, наказывается 3 годами каторги. Если уже было нанесено телесное повреждение (*шан* 傷) — удавлением. Если было совершено убийство — обезглавливанием. [В последнем случае] сообщники, принимавшие активное участие (*цун эр цзя гун* 從而加功), наказываются удавлением, а не принимавшие активного участия (*цун эр бу цзя гун* 從而不加功) — ссылкой на 3000 ли. Главарем

¹ Применительно к убийству (или нанесению телесных повреждений) выделялись еще две стадии: максимально невинное убийство при игре (*си ша* 戲殺) и убийство в драке (*доу ша* 斗殺).

(*шоу* 首) считается зачинщик (*цзаои* 造意), хотя бы он и не действовал (*бу син* 不行).

Это значит, что человек, замысливший убить другого человека, не находящегося с ним в отношениях родственной, административной или сословной субординации — то, что в кодексе обычно именуется термином "посторонний" (*фань* 凡) — и либо вовлекший в заговор другого или других, либо единолично составивший своевременно обнаружившийся и достоверно доказуемый замысел покушения, наказывался 3 годами каторги. С точки зрения тогдашней правовой теории подобный чисто ментальный преступник, не успевший принести никому реального вреда, еще мог быть вразумлен наказанием и не нуждался в смертной казни. Это же относилось и к его сообщникам, к тем, кого он вовлек в заговор и с кем вместе готовил покушение.

То же можно сказать и о второй стадии развития преступления — когда злоумышленники предприняли попытку реализовать свой умысел, но преуспели только частично, не убив жертву, а лишь нанеся ей какие-то телесные повреждения. Зачинщик наказывался здесь удавлением — остальные, как сообщники, получали наказание, на 1 степень меньше.

Буде же замысел удавалось реализовать полностью, зачинщик подлежал обезглавливанию (даже если в решительный момент он отсиживался вдали от реальных событий), а сообщники подразделялись на две, а то и три группы: принимавших активное участие, не принимавших активного участия и не действовавших. Первых кодекс определяет как лиц, которые, "хотя и не дотрагивались² до убиваемого человека, в урочный момент бросились все вместе и, тесня и задерживая, не дали ему убежать"; тем более в эту первую группу входили те, которые "дотрагивались". Вторых и третьих текст не определяет столь точно, и об их отличиях от первых и, в особенности, друг от друга, можно лишь гадать. Но какие-то отличия явно были, ибо первые наказывались на 1 степень легче зачинщика, то есть удавлением (кодекс специально оговаривает: "безразлично, много [таких] сообщников или мало, все они подлежат удавлению"), вторые — на 1 степень легче первых, а третьи, как явствует из статьи 253 — еще на 1 степень легче. Аналогично распределялись роли и в том случае, если имел место не коллективный сговор, а использование наемного убийцы (или

² В тексте сказано *ся шоу* (下手) — так сказать, "рукоприкладствовать". Переводить этот термин как "наносить удары" кажется несколько неосторожным — ведь убийцы могли действовать не только ножами или кольем, но и, например, просто придушить жертву. *Ся шоу* — "дотрагиваться" — есть, а ударов нет.

убийц). Наниматель рассматривался как главарь, наймиты — как сообщники со всеми присущими им градациями.

Таким образом, если отрешиться от возможного коллективизма в совершении преступления и упростить картину, человек, сознательно строящий план умертвить другого, постороннего ему человека, подлежал наказанию 3 годами каторги. Если план удавалось частично реализовать, преступник наказывался удавлением. Обдуманно убивший постороннего человека наказывался обезглавливанием. Таков был ординар.

Понятие ординара предполагает возможность отклонений от него в ту и в другую стороны. И действительно, в определенных ситуациях правовая защита жизни человека от намеренного насильственного посягательства могла и усиливаться, и слабеть. Казалось бы, более интенсивную защиту чужой жизни, нежели угроза удавления или, тем более, обезглавливания, предусмотреть невозможно. И тем не менее, в танском обществе это удавалось без труда.

Абсолютных экстремумов подобная защита достигала в ситуациях, когда речь заходила о личностях уникальных, стоящих в центре мироздания и обеспечивающих его стабильность — то есть о личности Сына Неба и присных его. Но гораздо интереснее, что и на горизонтальных связях, в отношениях между статусно равными личностями или, паче того, безотносительно к их равенству или неравенству в социальной иерархии, в зависимости лишь от чисто ситуационных флуктуаций, ценность личности жертвы, маркируемая строгостью наказания убийцы, могла колебаться в весьма широких пределах.

Статья 259 и комментарий к ней гласят:

Все, кто убили трех членов одной семьи, ни один из которых не совершил наказуемого смертной казнью преступления,.. либо расчленили [убитого ими человека], наказываются обезглавливанием. Жены и сыновья [их] наказываются ссылкой на 2000 ли. ...[Преступление] квалифицируется как Бесчеловечность (*бу дао* 不道)³... Если среди этих трех человек, убитых в одной семье, были буцьюй или нуби⁴ [преступление] не является [Бесчеловечностью].

³ Пятое из Десяти зол (*ши э* 十惡) — десятки наиболее тяжких преступлений.

⁴ *Буцьюй* и *нуби* — категории лично зависимых. То, что в танское время *буцьюй* рассматривались как самые младшие члены семьи, не новость. Но здесь мы видим, что и частные рабы (*нуби*), которые приравнивались правом то к лично свободным, то к имуществу лично свободных, в определенных ситуациях считались как бы членами семьи, владевшей ими. Вот лишнее свидетельство того, насколько сложно дать однозначную характеристику положения так называемого рабского сословия в традиционном Китае. *Буцьюй* и *нуби* в обыденном сознании явно считались чем-то вроде членов семьи, потому что фигу-

Перечисленные в списке Десяти зол преступления, как правило, затрагивают ситуации, когда жертвой оказывался кто-либо из венчественных особ, прямых начальников или старших членов семьи по мужской линии. Другими словами — когда вектор преступления был направлен строго или почти строго вверх по социальной вертикали. Пожалуй, в данной статье упоминается единственная ситуация, когда понятие Десяти зол оказалось примененным к преступлениям, совершенным на социальных горизонталях. Более того, комментарий к статье еще отчетливее пририсовывает это положение.

Вопрос: Допустим, имеется *буцуй* или *нуби*, убивший трех членов одной семьи *буцуй* или *нуби*, [принадлежащих] другому человеку. ...Должно ли это квалифицироваться как Бесчеловечность, или нет?

Ответ: *Буцуй* и *нуби* отличаются от лично свободных людей, но когда дело доходит до [преступлений] подобного рода... нельзя принимать во внимание это различие. [В данном случае возлагается] такая же ответственность, как и [в случаях] с лично свободными людьми. [Указанное преступление] квалифицируется как Бесчеловечность.

Значит, и в самом низу, в, так сказать, подвале социального здания действовали в данном случае те же законы, если только вектор преступления был направлен строго по горизонтали. Ценность жизни жертвы резко повышалась здесь не в связи со статуциональными различиями, как это было столь часто, но исключительно в связи со своеобразием преступления. Повышенная правозащита — и кого! раба! правда, от раба же — выражалась прежде всего в применении к преступнику (или преступникам) норм общесемейной ответственности и в том, что, если убийц было несколько, среди них не выделялись главарь и сообщники, и, следовательно, все получали одинаковое, максимально строгое наказание.

Интересно то, что, если один из нескольких убитых членов одной семьи сам был повинен в совершении наказуемого смертной казнью преступления, действие статьи о Бесчеловечности сразу отключалось, и преступник (или преступники) подлежали ответственности как за ординарное предумышленное убийство одного человека. Думается, здесь имеет место косвенное признание некоторого права на

рирующая в данной фразе ситуация потребовала специального упоминания, да еще сформулированного подобным образом: "три человека, убитые в одной семье". Видимо, отнюдь не само собой разумелось, что если один из убитых — раб, то убийца не проходит по статье об убийстве трех. И в то же время они — не члены семьи, ведь убийца не проходит по статье об убийстве трех!

кровную месть или сходные с нею обычаи; если некая семья уже провинилась всерьез перед другой чем-нибудь вроде наказуемого смертной казнью убийства, вопиющая жестокость члена второй семьи по отношению к первой хоть и не имела оправданий, но Бесчеловечностью все же не являлась. Месть — дело человеческое. Однако это лишь предположение. Факты же таковы: если один из объектов преступления всерьез виновен перед законом, его правозащита, как и правозащита его братьев по несчастью, понижалась.

Аналогично наказывалось и другое из ряда вон выходящее горизонтальное проявление жестокости: произведенное тем или иным способом разрушение трупа жертвы. Даже если убит был один человек, но зато убийство сопровождалось расчленением, сожжением и т. п. тела (произведенным либо непосредственно после убийства, либо, наоборот, и послужившим причиной смерти), убийца или убийцы тоже попадали под статью о Бесчеловечности. В первом случае ужесточение норм обуславливалось, видимо, тем, что убийство из рядового посягательства на жизнь индивидуума превращалось в посягательство на некую сердцевинку кровнородственного коллектива, чреватое серьезными, а, возможно, и необратимыми для этого коллектива последствиями в будущих поколениях. Семья же была под неусыпной защитой традиционного права Китая. Во втором случае — тем, что загробный комфорт душ целиком зависел, с тогдашней точки зрения, от посмертной целостности тел убиенных; следовательно, изуверский способ убийства индивидуума чреват был необратимыми последствиями для его семьи в потустороннем мире. Так что и здесь, правда, в весьма специфической форме, преступник затрагивал более чем индивидуальные интересы.

Ситуационная специфика совершенного на социальной горизонтали преступления могла давать и обратный эффект. В пределе она могла приводить к тому, что убийца вообще не подлежал ответственности.

Статья 269 гласит:

Всякий, кто в ночное время беспричинно вошел в дом к [другому] человеку, наказывается 40 ударами легкими палками. Если хозяин в этот момент убил [вошедшего], это не квалифицируется, как преступление (*у лунь 勿論*). Если же [хозяин] знал, что [вошедший] не [имел целью] овладение имуществом или совершение насилия (*цинь фань 侵犯*), и, тем не менее, убил [его] или нанес [ему] телесное повреждение, он наказывается как за убийство или нанесение [данного] теле-

сного повреждения в драке с уменьшением на две степени⁵. ...Если же [хозяин] уже захватил [вошедшего], а затем убил [его] или нанес [ему] телесное повреждение, соответственно каждому данному случаю наказание определяется как за убийство или нанесение [данного] телесного повреждения в драке. Если дошло до смерти — [хозяин] наказывается ссылкой с дополнительными работами.

В комментарии разъясняется, во-первых, что под домом имеются в виду и жилые помещения, и внутренний двор. Во-вторых, раскрывается смысл слов "знал, что вошедший не имел целью овладение имуществом или совершение насилия". Это значит, хозяин имел возможность сразу достоверно заметить, что вошедший забрел к нему случайно, по недоразумению, по ошибке, утратив ориентировку по причине сильного алкогольного опьянения, либо очень стар и немощен, либо болен, либо относится к какой-либо из групп увечных, либо является женщиной. В этих случаях внезапное появление в чужом доме человека, нарушившего принцип неприкосновенности жилища, не могло заставить хозяина подозревать худшее — и, следовательно, не могло оправдать его отчаянной самообороны.

Не могло быть оправдано убийство незваного гостя и тогда, когда хозяин уже справился с ним — поймал, обезвредил, связал, запер и т. д. — а уж затем, когда ситуация внезапности и неизвестности отошла в прошлое, хладнокровно лишил жизни.

Однако даже в этих двух случаях первоначально криминальное поведение визитера делало его более уязвимым с юридической точки зрения; ценность его жизни хоть и не аннулировалась полностью (как в первые мгновения его появления), но оставалась пониженной, ущербной, как и подобает ценности жизни преступника⁶. Поэтому, даже если хозяин успевал заметить, что вошедший не имеет злого умысла и не представляет угрозы, либо если вошедший уже был связан хозяином, а затем, по зрелом, так сказать, размышлении, убит, то, хотя ни о какой реальной драке и речи быть не могло (что за драка, например, с увечным стариком или с уже связанным человеком), хозяин получал

⁵ Для обоюдных столкновений, называемых "дракой" (*доу* 斗), существовала своя, детально разработанная шкала наказаний. В зависимости от тяжести телесных повреждений или увечий, которые нанес один человек другому, строгость наказания постепенно возрастала, от 40 ударов легкими палками за простое, без применения посторонних предметов, нанесение побоев, от 1 года каторги за выбитый зуб или сломанный палец до удушения за преднамеренное убийство в драке без применения оружия. Если участники драки не были равны статусно, наказание видоизменялось.

⁶ Мы уже сталкивались с подобным подходом — когда один из трех убитых членов одной семьи был повинен в преступлении, наказуемом смертной казнью.

наказание уже как за убийство или нанесение соответствующих телесных повреждений в драке, причем в первом случае — еще и с уменьшением на 2 степени. И даже убив, он наказывался всего лишь ссылкой с дополнительными работами, а отнюдь не смертью.

Таким образом, представление о ценности жизни объекта преступления, даже если он был статуционально равен субъекту, отнюдь не было некоей единой и неделимой абстракцией, а являлось результатом взаимодействия целого ряда компонентов. Прежде всего это — виновен ли сам объект перед законом. Во-вторых — является ли объект индивидуальным или, так сказать, коллегиальным, представляя собою какой-то существенный элемент какой-то семьи. Здесь — и признаваемое всеми развитыми юридическими системами право на защиту себя и своего жилища, выражающееся в изначальном поражении права на неприкосновенность того, кто на это жилище посягал. Здесь и тщательный учет дееспособности объекта и его способности представлять реальную угрозу. Понятно, что все эти компоненты никак не могли быть константами — а, следовательно, и результат их взаимодействия был переменным в буквальном смысле слова до крайности: от максимально строгой защиты жизни объекта (даже с привлечением норм Десяти зол) до полного предоставления его своей судьбе (при объявлении убийцы невиновным).

III. Субординативные градации

Вторым основным фактором, приводившим к возникновению широкого разброса строгости наказаний за посягательство на физическую неприкосновенность личности, были возможные отклонения вектора преступления от социальной горизонтали. Однако о ситуациях, когда этот вектор отклонялся вниз, кодекс говорит мало, сжато и как бы не очень охотно, безо всякого пафоса; подобные ситуации не очень-то интересовали юристов. Главной их заботой было обезопасить высших от низших.

В таком подходе есть своя логика. Действительно, зачем высшему убивать или избивать низшего, если в его распоряжении есть масса других, куда более правомерных способов нейтрализовать его в случае необходимости? Действительно, зачем подробно расписывать грозящие высшим наказанием, если они все равно крайне невелики по сравнению с ординаром, и в пределе зачастую стремятся к нулю? Ведь максимальная виновность высшего в этих случаях может быть охарактеризована, в подавляющем большинстве ситуаций, всего лишь как чрезмерное усердие в приведении низшего к порядку, и не более того; вопиющего криминала тут, как правило, нет. Другое дело — по-

святельства на высшего. Такие поступки с очевидностью демонстрируют чрезвычайно высокую степень виновности преступника. Преступление могло быть продиктовано здесь исключительно злостными, корыстными мотивами, строптивостью, нежеланием подчиниться идущим сверху справедливым требованиям и чувству долга; вдобавок у низшего нет (и не может быть, и не должно быть) никаких законных средств для воздействия на высшего (помимо ненавязчивого, мягкого увещевания) и, следовательно, любое желание оказать такое воздействие (уже и само по себе преступное) с неизбежностью должно было привести к какому-то покушению, то есть отклоняться вверх вектор преступления должен был, по всем вероятностям, куда чаще, чем вниз. А более вероятные ситуации следовало рассматривать прежде всего. Преступления, ориентированные вверх, статистически были более частыми, а идеологически — более недопустимыми. Ограничение свободы действий высшего относительно низшего, с тогдашней точки зрения, оборачивалось, в конечном счете, ограничением их способности управлять, претворять в жизнь текущие из социального зенита распоряжения и веяния; ограничение свободы действий низшего относительно высшего было жизненно важным и абсолютно неотъемлемым атрибутом стабильного, целостного общества, стремящегося избежать раскола и анархии.

Статья 252 гласит:

Тот, кто умыслил убить императорского посланца (*чжи ши* 制使), равно как начальника своего учреждения, своего округа или своего уезда, а также *ли цзу* (吏卒)⁷, умыслившие убить имеющего 5 ранг или выше начальствующего чиновника (*гуань чжан* 官長) своего учреждения, наказываются ссылкой на 2000 ли. Если уже было нанесено телесное повреждение — удушением. Если уже было совершено убийство — все наказываются обезглавливанием.

Из комментария явствует, во-первых, что слово "все" в последней фразе значит, как и прежде, что обезглавливанию в случае совершения убийства подлежат наравне все участвовавшие в сговоре, тогда как в случае, если покушение привело лишь к нанесению телесного повреждения, удушением наказывался только главарь, зачинщик, а сообщники — на 1 степень легче. Во-вторых, комментарий

⁷ Низшие государственные служащие — посыльные, тюремщики, привратники, исполнители телесных наказаний и пр. В статье 23 кодекс определяет *ли* как "служащих вспомогательного штата (*лювай* 流外) и ниже", а *цзу* — как "рядовых бойцов ополчения или гвардии".

приравнивает к лично свободным *лицу* казенных лично зависимых *гун, юэ, гунцзеху* и *нуби*. Если казенные лично зависимые той или иной из перечисленных групп умышляли убить кого-либо из начальства того учреждения, к которому приписаны, наказание им определялось по тем же нормам, что и *лицу*, повинным в умысле убить кого-либо из своего начальства. Граница между лично свободными и лично зависимыми здесь аннулировалась; куда важнее оказывалась прямая подчиненность—принадлежность.

Если же объектом преступления был чиновник не того учреждения, в котором преступник служил и к которому был приписан, начальник не того округа или уезда, в котором преступник жил и числился, ситуация кардинально менялась. В данной статье об этом нет ни слова, но нам не остается ничего иного, кроме как предположить, что чужой, посторонний высший здесь высшим быть как бы переставал. Повышенной правозащите подлежали только связи прямого подчинения. В средневековой Европе говаривали: "Вассал моего вассала — не мой вассал". Житель танского Китая мог бы парировать: "Чужой начальник — не мой начальник". Надо полагать, посягательство на жизнь постороннего начальника рассматривалось как посягательство на жизнь постороннего лично свободного человека, и только.

Колоссальное "государство-семья" (*гоцзя 國家*) подразделялось на множество "подсемей", среди которых реальная, родственная семья была лишь низовой, базовой ячейкой. Император являлся, разумеется, если чуть перефразировать знакомую нам по нашей собственной истории фразу, "отцом всех танских детей"; его правозащита всегда оставалась предельно интенсивной. Но рассматривать покушение на чужого начальника наравне с покушением на своего показалось бы тогда столь же нелепым, как покушение на чужого человека, даром что он глава какого-нибудь семейства, рассматривать, как покушение на собственного отца.

Однако лица, выполнявшие функции общеимперского значения, оказывались за рамками этих ограничений. Фактор наличия или отсутствия узко понимаемой субординативной связи уступал здесь место фактору наличия или отсутствия связи равного подчинения всех подданных равно распространяемому на всю страну воздействию. Подобное воздействие персонифицировали прежде всего императорские посланцы — и потому они были "своими" начальниками для всех подданных империи. В каком учреждении служит покусившийся на посланца человек, и служит ли он вообще, роли не играло. Тот (или те), кто умышлил убить представителя Сына Неба, и, тем более, в той или иной степени преуспел в этом, подлежал ровно тому же наказанию,

какому подлежал государственный служащий (или служащие), умысливший покуситься на кого-либо из своего непосредственного высшего начальства, или жители какой-либо административной единицы, составившие заговор на ее главу.

Аналогичный подход проявлялся и в обратной ситуации — при защите лиц, выполнявших функцию не передачи императорского влияния населению, а, напротив, изъятия из населения тех, кто продемонстрировал свою неподверженность этому влиянию, свою, так сказать, к нему иммунитет. Социально эти лица были куда ниже посланцев. Они никак не могли быть поставлены в ряд со "своим" начальством. Они не могли быть поставлены и в ряд с императорскими представителями, являвшимися "своим" начальством для всех. И, тем не менее, правозащита их от определенного вида посягательств была абсолютно идентична правозащите указанных персон, то есть ценность их жизни в определенных случаях приравнивалась к ценности жизни посланцев и "своих" начальников — благодаря тому, что значимость выполняемой ими социальной функции приравнивалась к значимости функций посланцев и "своих" начальников. Воздействие ситуационного фактора оказывается равным воздействию фактора субординативного.

Статья 257 гласит:

Всякий, кто [участвовал в] отбитии [у стражи] арестанта, наказывается ссылкой на 3000 ли. Если вследствие отбития совершившего легкое преступление арестанта [какому-нибудь] человеку было нанесено телесное повреждение, или если был отбит арестант, совершивший наказуемое смертной казнью преступление, [виновный] наказывается удавлением. Если человек был убит — все наказываются обезглавливанием. Чтобы подлежать [указанной] ответственности, достаточно самой лишь попытки отбития. Не обязательно, чтобы арестант был отбит.

В тексте сказано "человек", но надо полагать, речь в данном случае идет об охране, о низовых государственных служащих, функционально связанных со вверенным им преступником. Если бы при нападении был ранен или убит некий случайный, посторонний человек — это было бы, вероятно, квалифицировано, как убийство в драке или даже нечаянное убийство.

Для нас здесь интересно то, что наказание преступников, пытавшихся силой освободить своего сотоварища и при этом ранивших или убивших кого-либо из охраны, идентично наказанию тех, кто в ходе реализации заговора ранил или убил императорского посланца

или кого-то из "своих" начальников. За нанесение телесного повреждения — давление главарю, остальным — на I степень легче. За убийство — всем участникам акции, и главарю, и сообщникам, обезглавливание. Причем тяжесть наказания никак не связывались с успешностью попытки освободить арестанта. Наказание было лишь следствием совершенного в строго определенной ситуации посягательства на жизнь охранника.

Прозвучавшее чуть выше уподобление "своего" начальника старшим родственникам — отнюдь не метафора и не фигура речи. Если перейти к рассмотрению покушений, вектор которых отклонялся вверх внутри семейной иерархии, в этом убедиться несложно.

Статья 253 гласит:

Те, кто умыслил убить кого-либо из старших родственников (*цзунь чжан* 尊長) близости *ци*⁸, или кого-либо из родителей матери, или мужа, или кого-либо из родителей отца мужа по мужской линии, или кого-либо из родителей мужа, все наказываются обезглавливанием.

В комментарии разъясняется, что если жена и наложница умыслили убить мужа вместе, то также не выделяют зачинщицу и сообщницу — все равно наказываются обезглавливанием. Во-вторых, если мужа убил любовник жены или наложницы, то, даже если развратница знать не знала о намерениях и действиях своего партнера по преступной связи, она наказывалась так же, как и он.

Далее.

Тот, кто умыслил убить старшего родственника близости *сыма* или ближе наказывается ссылкой на 2000 ли. Если уже было нанесено телесное повреждение — давлением. Если уже было совершено убийство — все наказываются обезглавливанием.

В комментарии разъясняется, что, опять-таки, в случае нанесения телесного повреждения давлением наказывается главарь, а сообщники на I степень легче, то есть ссылкой на 3000 ли. В случае полного успеха заговора главарь и сообщники не выделяются, и обезглавливанию равно подлежат все заговорщики.

Показательно, что последние фразы данной статьи абсолютно идентичны соответствующим фразам статьи, трактующей о покуше-

⁸ В кодексе выделяются 4 основные степени родственной близости, маркируемые сроками траура, который должен был бы носить субъект преступления по его объекту в случае смерти последнего: *ци* — 1 год и более, *дагун* — 9 месяцев, *сяогун* — 5 месяцев и *сыма* — 3 месяца. Чем короче траур — тем дальше родство.

ниях на императорских посланцев и "своих" начальников. Предписываемые этими статьями карательные санкции одинаковы, лишь правозащита самых близких старших родственников (близости *ци* и приравненных к ним) более интенсивна. Правозащита старших родственников групп *дагун*, *сяогун* и *сыма* совпадает по интенсивности с правозащитой императорских посланцев и "своих" начальников: за умысел — ссылка на 2000 ли, за нанесение в ходе реализации умысла телесного повреждения — удушение главарю, ссылка на 3000 ли сообщникам, за убийство — обезглавливание всем участникам заговора. Таким образом, наказания были существенно ужесточены по сравнению с ординаром (ссылка вместо каторги за умысел, одинаковое наказание всем убийцам вместо деления их на главаря и сообщников с их сложными градациями), причем ужесточены в одинаковой степени. Интенсивность связи "поданный — посланец" и "служащий — начальник" явно приравнивалась к интенсивности "младший родственник — старший родственник близостей *дагун*, *сяогун* и *сыма*". В дальнейшем нам еще предстоит не раз встретиться с подобными совпадениями.

Далее в статье 253 говорится:

Если же кто-либо из старших родственников умыслил убить младшего родственника (*бэйю* 卑幼), он получает наказание, уменьшенное на 2 степени по сравнению с наказанием, полагающимся за преднамеренное убийство. Если уже было нанесено телесное повреждение, наказание уменьшается на 1 степень. Если уже было совершено убийство, наказание определяется по закону о преднамеренном убийстве.

Комментарий, поясняя это положение, переводит степени в реальные величины. В качестве наказания за умысел убить младшего родственника близости *ци* фигурируют 3 года каторги. За нанесение в ходе реализации умысла телесного повреждения главарь наказывался ссылкой на 3000 ли. Если заговор завершался убийством, главарь наказывался удушением. Для всех стадий осуществления сговора наказание понижено по сравнению с ординаром. Это естественно — ведь в данном случае вектор преступления отклонен вниз.

Мы уже видели, что в ситуациях с умыслом убийства муж для жены и наложниц приравнивался к родственникам близости *ци* — равно как родители мужа и родители отца мужа. За один лишь сговор с целью покушения на жизнь этих лиц все преступницы подлежали обезглавливанию. Субординативная связь между семьей мужа и его женой и наложницами считалась, очевидно, куда более важной, чем

даже связь между императорским посланцем и подданными, и, естественно, правозащита мужа и его прямых предков была интенсивнее (напомним, что за умысел убить императорского посланца заговорщики наказывались лишь ссылкой на 2000 ли, и только за реально совершенное убийство им полагалось обезглавливание). Социальная значимость и, в определенном смысле, нерасторжимость этой связи выражалась, вдобавок, в повышении относительно ординара правозащиты ближайших прямых предков мужа от возможных посягательств со стороны жены и наложниц даже в ситуации, когда муж погиб или умер, а бывших его спутниц жизни судьба уже разбросала по другим, новым бракам. Статья 255 гласит:

Жена или наложница, которая умыслила убить [кого-либо из] родителей отца прежнего мужа или [кого-либо из] его родителей, наказывается ссылкой на 2000 ли. Если уже было нанесено телесное повреждение — удавлением. Если уже было совершено убийство — все наказываются обезглавливанием.

Опять знакомая картина. Императорские посланцы, "свое" начальство, старшие родственники групп *дагун—сыма*, а теперь и прямые предки бывшего мужа, оказались в одном ряду. При всей, с нашей точки зрения, качественной разнородности этих социальных связей для танских юристов по интенсивности они были равны.

Нас ожидает здесь еще один сюрприз.

Все разнобразные выше ситуации диагональных покушений в качестве субъектов и объектов преступления имели лиц, относящихся к сословию лично свободных. Разумеется, связи социальной субординации существовали и между лично свободными и лично зависимыми людьми, пересекая главную, по современным представлениям, границу, разделявшую общество и определявшую его формационную принадлежность. Однако интенсивность функционирования этих связей внутри "семьеобразных" структур и вне их была различной. Как "свой" начальник отличался по значимости от просто начальника, как "свой" отец отличался от просто какого-то отца, так и "свой" лично свободный отличался для лично зависимого человека от просто какого-то лично свободного вообще.

Статья 254 гласит:

Буцуй или *нуби*, который умыслил убить хозяина, наказывается обезглавливанием. Если умыслил убить [кого-либо из] родственников хозяина близости *ци*, или же [кого-либо из] родителей матери [хозяина], наказывается удавлением.

Если уже было нанесено телесное повреждение — все наказываются обезглавливанием".

В комментарии разъясняется, во-первых, что под хозяевами следует понимать всех лично свободных членов семьи, владеющей данными *буцью* или *нуби*, зарегистрированных в одном подворном списке, которым при разделе семейного имущества полагалась бы какая-то доля. Все лично зависимые участники заговора на жизнь кого-либо из хозяев, без разделения на главаря и сообщников, подлежали обезглавливанию. Если же заговор составлялся на родственника близости *ци*, или на кого-либо из родителей матери одного из хозяев, то главарь наказывался удушением, а его сообщники по заговору — на I степень легче; если же эти преступники уже начали реализовывать свой умысел и преуспели хотя бы частично, нанеся жертве телесное повреждение — они все, опять-таки без разделения на главаря и сообщников, подлежали обезглавливанию. Наконец, подчеркивается, что наложницы любого из хозяев, поскольку при возможном разделе семейного имущества доли им не полагалось, не относились к хозяевам и, следовательно, под защиту этой статьи не попадали.

Связь "хозяин—лично зависимый" считалась столь же существенной и нерасторжимой, сколь и связь "муж—жена", причем не только по качественным, но и по количественным характеристикам. Уже цитировавшаяся нами статья 255, трактующая об умысле убить кого-либо из прямых предков покойного мужа, далее добавляет:

Буцью или *нуби*, умысливший убить прежнего хозяина, наказывается так же [как прежняя жена или наложница]... Прежний хозяин — имеется в виду, что хозяин отпустил [данного *буцью* или *нуби*] на волю".

В комментарии разъясняется, что под действие этой статьи попадают только те жены и наложницы, которые овдовели, и только те лично зависимые, которым хозяин дал вольную или которые выкупились деньгами. Развод в первом случае и перепродажа хозяином другому лицу во втором разрывали все связи. В этих случаях родственники мужа и прежние хозяева приравнивались к посторонним людям — со всеми вытекающими отсюда правовыми последствиями.

Таким образом, здесь, на социальных диагоналях, мы вправе говорить о втором стандарте, втором, так сказать, ординаре, несколько ужесточенным по сравнению с первым, основополагающим. На случай преднамеренного убийства в одной и той же мере защищены императорские посланцы от всех подданных, "свои" начальники — от своих подчиненных (лично свободных и лично зависимых — безразлично),

старшие родственники групп *дагун*, *сяогун* и *сыма* — от своих младших родственников, ближайшие прямые предки умершего мужа от бывшей жены и бывших наложниц (ставших бывшими благодаря смерти мужа, а не из-за того, что он успел при жизни дать им развод) и прежние хозяева от своих получивших свободу (а не нового хозяина) лично зависимых. Семейные и суперсемейные структуры виделись тогда настолько изоморфными — вроде вложенных одна в другую матрешек — что вектор преступлений, направленных против столь разнородных с нашей точки зрения объектов, уходил из точки "эго" — от самой маленькой матрешки, уже неспособной к дальнейшему дроблению — под одним и тем же углом. Другими словами, степень нарушения моральных обязательств, выразившаяся в умысле убийства и в частично или вполне успешных попытках его реализации считалась во всех этих случаях одинаковой. Следовательно — коль скоро способ нарушения был одним и тем же (умысел, телесное повреждение, убийство), и одной и той же была карательная реакция государства — остается предположить, что и сама интенсивность моральных обязательств, степень уважения-подчинения, равно считалась одной и той же.

Отклонения вектора преступлений от этой средненормальной диагонали приводили к отклонениям наказаний от сформулированного для нее второго ординара. Если вектор уходил вверх еще круче, наказание ужесточалось еще сильнее — мы видели это, например, в случаях с посягательствами на жизнь "своих" нынешних хозяев и "своих" старших родственников близости *ци*. Если же вектор, наоборот, проворачивался в противоположную сторону и уходил ниже социальной горизонтали, строгость наказания уменьшалась даже относительно первого, горизонтального ординара — мы видели это на примере защиты младших родственников близости *ци* от их старших родственников.

Безусловно, вектор преступления мог устремиться вниз еще круче — если, например, лично свободный посягал на жизнь лично зависимого или хозяин посягал на жизнь своего лично зависимого. Однако сговор лично свободных с этой целью или, паче того, сговор хозяев, либо даже явно доказуемый, заранее разработанный умысел одного из хозяев убить своего *буцую* или своего *нуби* казался, видимо, танским юристам делом столь невероятным, столь абсурдным, что в статьях о преднамеренном убийстве он даже не рассматривался.

IV. Специфические способы покушений

Не нужно обладать большим воображением или каким-то особо обширным жизненным опытом, чтобы понимать: всевозможные *сяшоу*, нож да дубина — отнюдь не единственный способ извести не-

друга или притеснителя. Человек Разумный издревле проявлял удивительное хитроумие в этом вопросе и пускал в дело самые разнообразные средства — как объективно способные привести к цели, так и считавшиеся таковыми лишь субъективно, на определенном уровне представлений о мире и взаимосвязях в нем. Хоть сколько-нибудь тщательно разработанный свод законов никак не мог отмахнуться от этих изощренных правонарушений. Тем более это оказалось невозможным для столь разработанного права, каким было танское.

При разборе неординарных посягательств на жизнь и здоровье индивидуума прежде всего надо иметь в виду, что все ситуации, когда они осуществлялись по заранее разработанному плану (тем более, если в разработке и осуществлении плана участвовали несколько человек), охватывались, по всей вероятности, статьями об умысле убийства. Во-вторых, что, если объектами преступлений оказывались не посторонние люди, а родственники, начальники, хозяева (относительно лично зависимых) и пр., сразу начинали действовать обычные для данных отклонений вектора преступления от социальной горизонтали коррективы — ужесточения или смягчения. И в-третьих, что отнюдь не случайно эталонной мерой наказания некоторых специфических способов убийства было выбрано наказание убийства в драке, совершенного без применения оружия⁹. Видимо, эти способы считались не столь фатальными для жертвы, как, например, вульгарное и неотразимое *ся шоу* кистенем; они оставляли жертве некий шанс выкарабкаться из губительной ситуации, и, следовательно, тот, кто не реализовал этот шанс, с тогдашней точки зрения в какой-то степени "сам себя высек". И ровно в той же степени преступник оказывался чуть меньше виноват, чем оказался бы, избери он какой-то более неотвратимый способ расправиться с неприятелем.

Статья 261 гласит:

...Тот, кто преднамеренно лишил человека одежды, используемых [им в данной ситуации] предметов, питья или

⁹ Убийство в драке без применения оружия наказывалось, согласно статье 306, удавлением. Преднамеренное же убийство, как и предумышленное, наказывалось обезглавливанием; разница состояла лишь в том, что во втором случае умысел (*моу*) уже сам по себе был наказуем, тогда как намерение (*зу*), пока оно не начало претворяться в жизнь, не давало возможности привлечь человека к ответственности. Убийство же в драке с применением оружия наказывалось обезглавливанием тоже. Во-первых, потому, что, взявшись за оружие, преступник однозначно демонстрировал, как считалось тогда, желание убить. Во-вторых, потому, что у его жертвы в этом случае сразу резко падали шансы на равную, хотя бы формально, борьбу, шансы на действенную самооборону. Как только в руках у одного из дерущихся, имеющего, вдобавок, намерение убить, появлялся, скажем, меч, жертва становилась беспомощной и была обречена; убийство практически делалось неотвратимым.

пищи, и по этой причине произошли смерть или телесное повреждение, соответственно каждому данному случаю наказывається как за убийство или нанесение [данного] телесного повреждения в драке.

Комментарий уточняет:

...Имеется в виду, что в холодные месяцы лишил [человека] верхней одежды, либо, когда [тот] поднимался на повозку или садился на лошадь, скрытно убрал подставку или поводья, либо испытывающего голод или жажду человека лишил питья или пищи, ...либо ввел в [какое-либо] отверстие человека [какой-либо] предмет, и подобным образом убил или нанес телесное повреждение.

Далее:

"Тот, кто перепугал человека так, что вследствие испуга произошли смерть или телесное повреждение, во всех случаях соответственно обстоятельствам наказывається как за убийство или нанесение [данного] телесного повреждения преднамеренно, в драке или при игре.

Комментарий к последней фразе разъясняет, что имеются в виду ситуации, когда, например, некто находится в угрожаемом или опасном положении (скажем, на краю обрыва или на берегу реки), а пребывающий с ним рядом человек неожиданно пугает его или чем-то ему грозит. При этом общий расклад обстоятельств имел для определения степени виновности и, следовательно, строгости наказания, значение первостепенное. Применительно к убийству, если, например, преступник привел жертву на обрыв сознательно и вполне преднамеренно рывкнул на нее погромче в опасный момент — он наказывался, как за преднамеренное убийство, то есть обезглавливанием. Если, скажем, двое дрались неподалеку от края обрыва, потом один вдруг потянулся за валявшимся неподалеку камнем, а другой с перепугу сверзился вниз — субъект преступления наказывался, как за убийство в драке, то есть удавлением. Если же эти двое всего лишь играли, и один просто сделал некое вынужденное неловкое движение — представим, что он, скажем, отшатнулся от слишком сильно пущенного в его сторону мяча — и, свалившись, расшибся насмерть, субъект преступления наказывался, как за убийство при игре, то есть на 1, или даже на 2 степени легче, чем за убийство в драке. Понятно, что во втором случае непроизвольное соучастие объекта преступления в происшедшей трагедии выше, чем в первом, а в третьем — выше, чем во втором. Таким

образом, ценность жизни жертвы не в последнюю очередь определялась тем, насколько сама жертва оказалась неспособна эту жизнь сберечь.

Однако специфические способы убийства могли быть и более действенными.

Статья 263 гласит:

Всякий, кто отравил человека ядовитым зельем, а также тот, кто продал [ему это зелье], наказывается удушением.

Комментарий разъясняет:

Имеются в виду всевозможные отравы¹⁰, или ядовитый су-мах, или акониты — все то, что пригодно для убийства человека. ...Если же зелье пригодно для лечения болезней, но куплено было для отравления человека, [купивший его] наказывается так же, а продавший, который не знал об обстоятельствах..., ответственности не подлежит. Если покупка совершена, но [зелье] еще не использовано — имеется в виду, что купивший ядовитое зелье намеревался убить человека, а продавший зелье знал об истинных намерениях [покупателя]. Если [зелье] еще не использовано — [и тот, и другой] наказываются ссылкой на 2000 ли.

Очевидно, в данном случае речь идет о предумышленном (*моу*) убийстве, причем отравитель, очевидно, имеет сообщника — того, кто это зелье ему продал (то ли изготовив его сам, то ли, в свою очередь, купив где-то для последующей перепродажи). На то, что убийство совершается сознательно, по плану, указывает сам факт покупки яда — после покупки умысел совершить отравление становится достоверно доказуемым, и именно поэтому, в отличие от всех иных рассмотренных нами ситуаций, кроме ситуации *моу ша*, преступник и его сообщник подлежали наказанию уже за самый умысел, еще до того, как преступление было реально осуществлено. Причем отвратительность, исключительная подлость данного способа убийства, не оставляющего жертве ни малейшей возможности защититься, исключительная социальная опасность отравительства вынудила танских юристов даже ужесточить меры наказания по сравнению с ординарным *моу ша*. Во-первых, с того момента, как умысел стал доказуемым, наказание готовя-

¹⁰ В тексте здесь сказано *чжэнь ду* (鴆毒), где *чжэнь* первоначально обозначало некую мифическую темно-красную выпь, перья которой содержали яд — видимо, потому, что питалась эта милая пташка исключительно ядовитыми змеями. *Чжэнь ду* надо, видимо, понимать, как разнообразные производные этих перьев — их можно было выварить, истолочь и пр.

щелюся к покушению злодею определялось как ссылка на 2000 ли (против 3 лет каторги в обычной ситуации). И во-вторых, продавец зелья, фактический сообщник, пусть даже не знавший, против кого конкретно будет применен купленный у него яд, подлежал одинаковому с отравителем наказанию (а не на 1 степень меньшему) и в период между совершением сделки и убийством (ссылка на 2000 ли), и после осуществления злодейского умысла (удавление). Ответственности он избегал лишь если проданное им зелье не являлось, собственно говоря, ядом, а было лекарством, которое каким-то образом — при неправильной ли дозировке, при неправильном ли употреблении — способно было умертвить человека, и продавец мог как-то доказать, что продавал он свой препарат именно в качестве лекарства, зная не зная о замыслах отравителя.

Остается только недоуменно гадать, почему при всех этих ужесточениях наказание за успешно осуществленное отравление было на степень понижено относительно наказания за реализованный умысел ординарного убийства. Как мы помним, главарь осуществленного *моуша* наказывался обезглавливанием.

Попытка отравления могла быть и не столь злокозненной. В первую очередь это мог продемонстрировать тот факт, что отравитель не покупал у соответствующего негодяя настоящий яд или ядовитое лекарство, а просто использовал какое-то подручное средство, например, испорченное мясо. Если становилось известно, что человек, использовавший в пищу какое-то мясо, получал отравление или заболел, остатки этого мяса подлежали сожжению. Владелец этих остатков — мясоторговец ли, хлебосольный ли хозяин, человек ли, купивший мясо — наказывался 90 ударами тяжелыми палками, если не выполнял этого требования.

Если же некий человек, уже зная, что мясо в пищу непригодно, преднамеренно продавал его другому человеку, или угощал его им, с целью нанести этому человеку вред, он, согласно той же статье 263, наказывался 1 годом каторги. Поскольку подобное отравление не могло рассматриваться однозначно смертельным, этот умысел, хоть он и был достоверно доказуем фактом нарочитой продажи или нарочитого угощения, не мог быть приравнен к умыслу убить. Поэтому в кодексе сказано лишь: "преднамеренно дал есть или продал [другому] человеку, чтобы вызвать у него болезнь". Умысел был зловреден и подл — но не фатально жесток. Поэтому наказание за умысел ограничивалось лишь 1 годом каторги — против 3 лет, полагающихся за умысел ординарного убийства, и против ссылки на 2000 ли, полагающихся за умысел настоящего отравления. Однако если отравленный испорченным мясом

человек умирал, не в силах справиться с болезнью, отравитель подлежал давлению — точь-в-точь как за убийство в драке без применения оружия — даже если он не имел первоначального намерения отравить жертву до смерти и никак не предполагал, что его подленький поступок приведет к столь печальным последствиям¹¹. Защита жизни жертвы отравления оставалась практически максимально интенсивной, хотя само отравление не считалось безысходно смертельным — в отличие, например, от защиты жизни неловкого игрока на краю обрыва. Следовательно, неспособность человека не справиться с болезнью, в отличие от неспособности не испугаться до дрожи в коленках какого-то пустяка, не вменялась этому человеку в некое подобие косвенной вины и не приводила к смягчению наказания виновника трагедии.

Зато этот виновник отвечал за свое недоброкачественное мясо и в тех случаях, когда вообще не строил никаких козней. Мы не раз уже видели, что, если субъект убийства до своего плачевного конца сам как-то нарушил закон (например, вошел во двор чужого дома ночью), правовая защита его личной безопасности сразу понижалась. Виновный перед законом — это чрезвычайно важно усвоить — уже не был перед законом полноценным человеком. В данном случае невольный отравитель был изначально виновен в том, что не выполнил предписанного законом требования — не сжег недоброкачественного мяса сразу после того, как эта недоброкачественность стала очевидной. Поэтому, если кто-то травился этим мясом насмерть по собственной вине — в кодексе по этому случаю лаконично, но не очень внятно сказано "человек съел сам, и это привело к смерти" (*жэнь цзы ши чжи сы* 人自食致死), виновный в неуничтожении мяса наказывался как за нечаянное убийство, хоть он и пальцем о палец не ударил¹². Только если умерший не просто "съел сам", а "украл и съел" (*дао эр ши* 盜而食), вина вора перевешивала вину своевременного не уничтожившего мясо невольного отравителя, и последний не нес за смерть человека, жизнь которого была резко обесценена его посягательством на чужую собственность — каковое и оказалось для него фатальным, — ника-

¹¹ Это опять-таки очень похоже на наказание за нанесение побоев, приведшее к смерти. Согласно ст. 307, если один человек изрядно поколотил другого, а тот вследствие полученных травм или ранений *взял да и умер* в течение так называемого срока сохранения ответственности (*бао гу* 保辜) — для различных типов избиения сроки устанавливались различные — то драчун наказывался как за убийство в драке, даже если убивать совершенно не собирался.

¹² Обычно под статью о нечаянном убийстве попадали такие действия, как, например, случайное попадание при стрельбе или бросании — то есть все-таки в начале имел место поступок, который вызвал смерть. В данном случае этим поступком считалось невыполнение закона о сжигении дурного мяса, и только оно.

кой ответственности. Наказывался он в этом случае лишь за то нарушение закона, которое совершил сам — так, как если бы неуничтожение им недоброкачественного продукта стало явным любим иным, никому не повредившим образом, то есть 90 ударами тяжелыми палками.

Очень показательна в плане тонкого понимания внутрисемейных иерархических отношений последняя фраза комментария к статье 263.

Если, имея намерение нанести вред, преднамеренно дал съесть кому-либо из старших родственников, желая вызвать смерть, то наказание определяется соответственно статье о предумышленном убийстве (*чжунь мою ша тьяо лунь* 準謀殺條論). Если дал младшему или [своему] лично зависимому, и это привело к смерти, наказывается как за преднамеренное убийство (*и гу фа ша* 依故法殺)¹³.

В статье 253 мы уже сталкивались с этим, с нашей точки зрения, парадоксом: если старшие умыслили убить кого-либо из младших, то точкой отсчета для определения им наказания являлось не предумышленное, а всего лишь преднамеренное убийство; наказание определялось как за преднамеренное убийство даже если заговор удался. Здесь еще интереснее: младший подлежал наказанию соответственно статье о предумышленном убийстве старшего родственника с того момента, как покормил этого старшего опасным мясом, даже если это не имело губительных последствий — поступок демонстрировал "намерение нанести вред", "желание вызвать смерть" (если только этот младший не ухитрился доказать, что знать не знал о недоброкачественности мяса). За умысел убить старшего близости *ци* полагалось обезглавливание; отсылка "соответственно" снижала наказание до ссылки на 3000 ли. За умысел убийства старшего близости *дагун*—*сыма* полагалась ссылка на 2000 ли, и наказание выносилось соответственно этому, без коррективов.

¹³ Довольно неуклюжие формулировки "определяется соответственно" и "определяется как за" отнюдь не случайны. В разделе кодекса "Общие положения", в статье 53, они точно определены и разъяснены. Когда наказание за какое-то преступление определялось "соответственно чему-то", следовало заглянуть в статью об этом "чем-то" и определить приговор по ней, но с ограничениями: рост наказания при его последовательном увеличении по степеням (например, в зависимости от размера хищения) не мог превысить ссылки на 3000 ли, нельзя было применять, даже если они фигурировали в соответствующей статье, ссылку с дополнительными работами, должностные наказания, требование о двойной компенсации похищенного и об увеличении наказания полномочным и заведующим чиновникам за совершение ими преступлений в сфере их административной ответственности. Отсылка же "как за" предписывала следовать соответствующей этому "за" статье в точности, безо всяких ограничений и коррективов — как за фактическое совершение преступления, указанного в той статье, на которую отсылка делалась.

Но если, скажем, дедуля угостил внука недоброкачественным мясом, вне зависимости от того, сделал он это умышленно, или нет, вопрос об умысле даже не ставился; внук мог заболеть или тяжело отравиться — закон и тут не встревал в дела семейные. Только смерть младшего вызывала неохотную реакцию права — и опять-таки действия старшего квалифицировались, если удавалось доказать их осознанность, как преднамеренное, а не предумышленное убийство.

Ну, и в качестве последнего штриха — упоминание в одном ряду с младшими своих лично зависимых (*цзянь* 賤). Характерно, что здесь не делается даже намек на разграничение "буцюев" и так называемых рабов — *нуби*. "Подлые" (так дословно переводится *цзянь*) — и все. За отравление, скажем, внука глава семьи нес ту же ответственность, что и за отравление принадлежащего семье раба.

Следующая статья кодекса посвящена еще более экстравагантному способу покушения на убийство — ворожбе и колдовству из ненависти. Статья 264 гласит:

Всякому, кто из ненависти творит ворожбу или колдовство, или же изготавливает магические надписи, [применяет] наговоры или заклинания с тем, чтобы убить человека, наказание определяется как за умысел убийства с уменьшением на 2 степени. Если [указанные действия осуществляются] в отношении старших родственников близости *ци*, или кого-либо из родителей матери, или мужа, или кого-либо из родителей отца мужа, или кого-либо из родителей мужа, во всех [этих] случаях [полагающееся наказание] не уменьшается.

Исчерпывающе определить, какие именно действия могут быть подведены под эту статью, составители кодекса воздержались, скромно отметив лишь, что "дело это разнообразно" и приведя несколько типичных примеров: рисование изображений жертвы или вырезание ее фигурки с последующим прокальванием сердца, вбиванием гвоздей в глаза, связыванием рук и ног и т. д. Зато совершенно точно определено, с какого именно момента преступник может рассматриваться как умысливший убийство: с момента акта ворожбы. Соответствующие магические действия доказывали наличие у него преступных намерений с полной достоверностью.

Правда, рационалистичные танцы, отдав должное существовавшим тогда представлениям о способах воздействия на окружающий мир, все же расценили колдовство как менее грозный для жертвы признак, чем, скажем, покупка перьев ядовитой выпи или составление заговора наординарное убийство дубиной. Купивший яд, но не успев-

ший его применить, наказывался, как мы помним, ссылкой на 2000 ли. Участник заговора на ординарное убийство наказывался 3 годами каторги. Зловредный колдун наказывался на две степени легче последнего — 2 годами каторги.

Но вот если указанные действия производились в отношении старшего родственника — тут уж никаких послаблений быть не могло. Неуместно показалось бы даже задаваться вопросом, насколько велика та реальная опасность, которую может представлять данная ворожба. Умысел убить старшего налицо! И статья об умысле убийства тут же начинает работать во всей своей суровой, но справедливой полноте. Обезглавливание.

Можно сказать, что в этой ситуации ценность личности старшего превышала ценность его жизни как таковой. Разница между угрозой жизни просто человека и угрозой жизни персоне старшего родственника близости *ци*¹⁴ составляла ни много ни мало четыре степени каторги, три степени ссылки и одну степень смертной казни.

Ситуация менялась, разумеется, в том случае, если человек, прибегнувший к вредоносному колдовству, ухитрялся преуспеть в своем злодейском умысле. Человек в результате магического воздействия умер — и следствие сумело это доказать — и тут уж было неважно, как смотрят рационалисты на самую возможность убить человека посредством протыкания сердца символизирующей этого человека фигурки. Виновный подлежал смертной казни — правда, через удушение.

Целью колдовства могло и не быть убийство. Злоумышленник мог хотеть всего лишь наслать болезнь, напустить порчу, заставить испытывать страдание или боль. Если колдун оказывался в состоянии доказать, что не имел целью лишение человека жизни, наказание ему уменьшалось еще на 2 степени. В тексте это существенное положение, к сожалению, детально не разъяснено, однако, надо полагать, в случае, пока умысел еще не привел к болезни жертвы, наказание уменьшалось по сравнению с умыслом чародейного убийства на 2 степени, то есть по сравнению с умыслом ординарного убийства на 4 степени (до 1 года каторги), а если болезнь впоследствии — на 2 степени относительно реально совершенного убийства (до ссылки на 2500 ли).

Значительно тщательнее разъясняется, как и следовало ожидать, возможная насылка порчи на старших родственников. Статья гласит:

"Если сын или внук [хотел причинить болезнь или страдание кому-либо из] родителей отца или [кому-либо из] роди-

¹⁴ Умысел убить старшего родственника более далеких степеней близости *дагун—сыма* наказывался, как мы помним, ссылкой на 2000 ли.

телей, равно как если *буцью* или *нуби* [хотел причинить болезнь или страдание кому-либо из] хозяев, во всех этих случаях [наказание на 2 степени] не уменьшается¹⁵.

Комментарий разъясняет:

"Если [указанные действия были предприняты в отношении кого-либо из] старших родственников близости *ци*, или [кого-либо из] родителей матери, или мужа, или [кого-либо из] родителей отца мужа, или [кого-либо из] родителей мужа, [наказание] уменьшается только на 2 степени. Если [они были предприняты в отношении кого-либо из] родителей отца, или [кого-либо из] родителей и ниже¹⁶, пусть бы даже они предназначались для того лишь, чтобы причинить болезнь или страдание, все равно следуют закону о предумышленном убийстве. Все [виновные] подлежат обезглавливанию. Норма уменьшения наказания (*цзянь ли 減例*) не действует.

Таким образом, чем более отклоненный вверх вектор преступления приближался к социальной вертикали, тем большее значение для определения виновности приобретал по сравнению с реальным криминальным результатом криминальный умысел, причем в пиковых ситуациях — даже не очень важно, какой именно: то ли убить, то ли просто помучить.

Если убийственное колдовство совершалось в отношении постороннего человека, наказание колдуну уменьшалось на 2 степени по сравнению с умыслом ординарного убийства; если оно совершалось в отношении старших родственников близости *ци*, уменьшение не действовало. Если целью колдовства было лишь причинение болезни, то, когда оно предпринималось в отношении посторонних, наказание уменьшалось по сравнению с наказанием за умысел ординарного убийства уже на 4 степени, а когда оно предпринималось в отношении старших родственников близости *ци* и приравненных к ним — на 2 степени. Если же такое колдовство предпринималось в отношении кого-либо из прямых предков, или, в случаях с лично зависимыми, в отношении кого-либо из хозяев, то, вне зависимости от того, удалось реально наслать болезнь, или нет, и безотносительно к тому, что продемонстрированный акт совершения неких магических операций умысел ограничивался лишь стремлением причинить болезнь, он прирав-

¹⁵ Опять домашние лично зависимые попали в один ряд с прямыми младшими родственниками!

¹⁶ То есть если *буцью* или *нуби* предприняли указанные действия в отношении кого-либо из хозяев.

нивался к умыслу убийства, и наказание не уменьшалось совсем. Умысел причинить вред прямому старшему приравнивался к умыслу убить постороннего. Ценность здоровья прямого старшего для прямого младшего (шла ли речь, по нашим градациям, о внутрисемейной иерархии, или о сословной — все равно) приравнивалась к ценности жизни постороннего для постороннего.

Вдобавок, если болезнь так возникала реально, виновные в совершении вызвавшего ее колдовства подпадали под действие статьи о Раздоре (*бу му 不睦*) — одного из Десяти зол. В тексте комментария специально отмечается, что причинение болезни и страданий посредством колдовства приравнивается к нанесению телесных повреждений посредством избиения — а избиение старших родственников близости *дагун* и ближе, либо родственников старших поколений близости *сяогун* и ближе фигурирует среди квалифицируемых как Раздор деяний.

Очень интересно последнее предписание данной статьи.

Если же в отношении [кого-либо из] родителей отца или [кого-либо из] родителей, или [кого-либо из] хозяев [кто-либо] творит ворожбу или наговоры всего лишь с целью добиться благорасположения (*аймэй 愛媚*), он наказывается ссылкой на 2000 ли.

Вот, наконец, нам встретилась норма права, прямо защищающая не физическую, а духовную неприкосновенность личности — естественно, личности старшего относительно младшего; о защите духовной неприкосновенности личности младшего от посягательств старшего нелепо было бы и вспомнить. С другой стороны, упоминание о посягательстве на духовную свободу в ряду с посягательствами на жизнь и здоровье показывает, что искусственно вызванная любовь старшего к младшему рассматривалась чем-то вроде вызванной аналогичным образом болезни, то есть не слишком отличалась от нанесения телесных повреждений посредством избиения. И даже если реальный результат не был еще достигнут, даже если силком вбиваемое в сердце старшего *аймэй* еще никак не дало о себе знать, уже сама попытка приворожить к себе родителя или хозяина, не оставляя ему свободы выбора (любить или же не любить), то есть принудить старшего любить себя вместо того, чтобы искать его расположения должным образом, угождая и прославляя, наказывалась ровнехонько так же, как, например, умысел убить императорского посланца (ссылка на 2000 ли). Получение возможности прямо и непосредственно влиять на умонстроение старших — и даже самое стремление получить такую возможность — заслуженно считалось весьма и весьма опасным, так как гро-

зило поставить с ног на голову всю систему социальных стимулов. Поэтому оно не могло не пресекаться сурово и в самом зародыше. Но, с другой стороны, юриспруденция оставалась юриспруденцией, свод законов — сводом законов, а не бесконечным устрашающим перечнем не одобряемых государством поступков, построенным по принципу "чуть что не так — расстрел". Поэтому, коль скоро реальный результат не был достигнут, реальный вред не был нанесен, а стремление нанести именно вред у виновного отсутствовало, применение высшей меры наказания выглядело бы здесь неуместным, неоправданным, даже можно сказать — несправедливым¹⁷.

Разумеется, если кто-то пытался магическим образом добиться благорасположения к себе не просто своего отца, а "отца всех танских детей" — Сына Неба, тут уж никакого снисхождения быть не могло. Являлось ли целью направленной на императора магической операции убийство, причинение болезни или внушение любви — преступления эти равно попадали под действие Десяти зол и наказывались обезглавливанием. Попытка повлиять насильственно на течение мыслей ретранслятора благих небесных влияний была столь же вопиюще кощунственной и опасной для мира людей, как и попытка насильственно повлиять на биение его сердца, на ток крови в его жилах. Духовная свобода императора был сродни духовной свободе солнца вовремя появляться из-за горизонта и в равной мере изливать потоки тепла и света на всех жителей Поднебесной. Тот, кто вздумал задержать светило над своим жалким наделом, демонстрировал этим вожделением свою запредельную антисоциальность; никаким не убийственным наказанием такого человека вразумить, очевидно, было нельзя — оставалось лишь очистить общество от него и его ближайших родственников.

V. Посмертная неприкосновенность

Озабоченность посмертной судьбой индивидуума была одним из краеугольных камней традиционной китайской культуры. Прямым и основным выражением этой озабоченности можно считать сложные, ответственные, детально разработанные ритуалы жертвоприношений предкам, строительство храмов предков, фамильных усыпальниц и склепов, должным образом организуемые похороны и тому подобные положительные акции, позволявшие продолжать поведенческое осуществление императивов сыновней почтительности и тогда, когда объ-

¹⁷ К великому сожалению, в кодексе нет ни слова относительно ситуации, когда преступнику и впрямь удалось бы приворожить старшего.

ект *сяо* уже не пребывал более среди живущих. Для мало-мальски воспитанного человека осуществление подобных ритуалов было такой же моральной потребностью, как и соблюдение норм почтительности по отношению к живущим старшим. Нормальному человеку их соблюдение приносило удовлетворение, духовный комфорт типа "я все делаю правильно", "я хороший", и окружающими воспринималось как норма; несоблюдение демонстрировало, что с человеком что-то не в порядке. Сознательное нарушение этих норм и, тем более, активные действия, идущие с ними вразрез, не могли не получить статуса криминальных актов (коль скоро государство взяло на себя труд подкреплять моральные обязательства правовыми запретами на уклонение от них) и, следовательно, требовали силового вмешательства со стороны.

Заботясь обо всех подданных, как о детях своих, государство взвалило на себя бремя вразумления, а при необходимости — и наказания тех из них, кто нарушал эти нормы по отношению к "не своим" старшим. Тем более карательные санкции становились необходимыми, когда объектами правонарушений оказывались свои старшие. Причем поскольку действие норм сыновней почтительности распространялось и на почивших предков, нарушение их в отношении тех, кто уже ушел в мир иной, мало чем отличалось от нарушений в отношении ныне здравствующих. Право, обеспечивая физическую неприкосновенность живых от живых и уделяя повышенное внимание защите живых старших от младших, не могло не предусмотреть каких-то санкций в целях обеспечения физической неприкосновенности мертвых от живых и, тем более, мертвых старших от живых младших.

Статья 269 гласит:

Тот, кто причинил вред мертвому телу, а также сбросил его в воду, соответственно каждому данному случаю наказывається на 1 степень легче, чем за убийство в драке. В случаях со старшими родственниками близости *сыма* и ближе [наказание] не уменьшается.

Комментарий уточняет:

Под нанесением вреда мертвому телу имеется в виду расчленение туловища, отрезание или отрывание костей или членов, а также сожжение и [прочие действия] такого рода. ...Если за убийство в драке полагалось бы наказание смертью, наказание уменьшается на 1 степень от высоты смерти, если полагалось бы наказание ссылкой -- наказание уменьшается на 1

степень от высоты ссылки¹⁸. В случаях со старшими родственниками близости *сыма* и ближе [наказание] не уменьшается. Имеется в виду, что причинение вреда и сбрасывание в воду во всех [подобных] случаях, как убийство в драке, наказывалось обезглавливанием.

Таким образом, прежде всего подразумевается, что перечисленные насильственные действия в отношении мертвого тела не могли быть нечаянными; ясно, что намерение нанести вред было сознательным. Однако, с другой стороны, не рассматривается и ситуация *моу* — умысла. Заговор нескольких или заранее спланированная акция некротеррориста-одиночки, видимо, выводились за рамки вероятных ситуаций¹⁹.

Во-вторых, подразумевалось, что все повреждения, охваченные термином "вред", безусловно смертельны. В тексте не сказано "наказывается как за убийство или нанесение соответствующих телесных повреждений в драке" — однозначно заявлено "как за убийство". Посягательство на целостность мертвого тела и его должное пребывание в должном месте (а как иначе интерпретировать "сбрасывание в воду"? — ведь это действие само по себе целостности тела не нарушало, и физически последующее растворение тела в воде, или даже его употребление в пищу водяными обитателями мало чем отличалось от его гробовой судьбы и взаимоотношений с обитателями земляными) призывались именно к лишению жизни.

Несмертельные телесные повреждения усопшего, однако, тоже были возможны. В той же статье далее говорится:

Сбрасывание [в воду] без утраты [тела], а также бритье волос, равно как нанесение телесного повреждения соответственно каждому данному случаю наказываются еще на 1 степень легче²⁰. Если же сын или внук по мужской линии совершил [какое-либо из этих действий в отношении кого-либо из] родителей отца или [кого-либо из] родителей, либо если *буцую* или *нуби* [совершил какое-либо из них в отношении ко-

¹⁸ Здесь имеются в виду ситуационные градации наказаний, полагающихся за убийство в драке. Подробное их рассмотрение выходит за рамки данной статьи.

¹⁹ Рассматривались под этим углом зрения лишь возможные покушения на посмертный покой особ императорского рода. Подобные акции попадали под действие Десяти зол и безусловно карались смертью, отягощаемой применением норм общесемейной ответственности и т. д.

²⁰ То есть уже на 2 степени легче, чем полагалось бы за нанесение данного телесного повреждения в реальной драке. Относительно же сбрасывания в воду или бритья остается предположить, что они наказывались на 2 степени легче убийства в драке, то есть ссылкой на 2500 ли.

го-либо из] хозяев, во всех этих случаях наказание не уменьшается.

Комментарий разъясняет:

Тело было сброшено в воду, но возвращено и не утрачено. ...Под телесным повреждением имеется в виду преднамеренное нанесение повреждения телу. Телесные повреждения не разделяются [здесь] на тяжелые и легкие, достаточно лишь, чтобы они не были такого рода, как расчленение. ...В случаях со старшими родственниками близости *сыма* или ближе [наказание] уменьшается только на 1 степень²¹. ...Если же сын или внук по мужской линии совершил [какое-либо из этих действий в отношении кого-либо из] родителей отца или [кого-либо из] родителей, либо *буцью* или *нуби* совершил [какое-либо из них в отношении кого-либо из] хозяев, во всех этих случаях [наказание] не уменьшается, и всегда приравнивается к наказанию за убийство в драке. [Действия] сына или внука по мужской линии квалифицируются как Злостное неповоротство²².

Комментарии, в общем-то, излишни — текст говорит сам за себя. Нанесение телесных повреждений, не нарушающих целостности мертвого тела, наказывалось всего лишь на 2 степени легче, нежели нанесение соответствующих повреждений в реальной драке — да и то лишь, если субъект и объект преступления не находились в отношениях внутрисемейной субординации. Если объект был старшим родственником субъекта, наказание уменьшалось лишь на 1 степень, а если он был прямым старшим родственником или хозяином преступника — вообще не уменьшалось и наказывалось, как реальное убийство. Сбрасывание в воду, не приведшее к фатальным для тела последствиям, а также осуществление над беззащитным покойником столь унижительной процедуры, как полное или частичное насильственное лишение волосяного покрова, привязывались также к реальному убийству, и в ситуациях с прямыми старшими родственниками и хозяевами наказывались как убийство безо всяких послаблений.

В конце статьи оговаривается наконец:

²¹ Стоит напомнить, что в ситуациях с расчленением и пр. трупа наказание постороннему уменьшалось относительно убийства в драке на 1 степень, а если объект преступления приходился преступнику родственником близости *сыма* или ближе, наказание не уменьшалось вообще.

²² Одно из Десяти зол.

Имеется в виду, что помыслы [преступника] направлены [были] к злу”.

Но доказать отсутствие злых намерений, кинув труп в костер или в речку, разрезав его на куски или наголо обрив, было, мягко говоря, весьма затруднительно. Подобная проблема и не возникала. Все зависело от волеизъявления самого покойного, а вовсе не от уловок преступника. Отсутствие злых намерений исчерпывающе и легко доказывалось тем, что усопший — еще до того, как покинул юдоль скорби — сам завещал сжечь свое тело, похоронить в воде и т. д. Право распоряжаться своим будущим трупом принадлежало лишь самому умирающему — его родственники или посторонние друзья никакой инициативой в этой сфере не обладали. В сущности, это нормально; но довольно специфическим именно для танского права моментом было то, что любая подобная инициатива рассматривалась как злой умысел в отношении покойного и, следовательно, ее реализация — как уголовное преступление. Здесь мы снова сталкиваемся с опосредованной формой столь характерной для традиционного китайского права презумпцией виновности. Если человек ведет себя как-то не так — можете не сомневаться, он замыслил нечто недоброе.

Таким образом, сознательное причинение физического ущерба мертвому телу рассматривалось как преступление, лишь немногим менее тяжкое, чем нанесение того же ущерба живому человеку. Если этот ущерб наносился старшему родственнику, разница становилась еще менее заметной. Посягательство же на тело прямого предка или хозяина вообще не отличалось от посягательства на живое тело данной персоны — и наказывалось максимально строго, да еще и с привлечением норм Десяти зол. Посмертная неприкосновенность обеспечивалась правом ничуть не менее неукоснительно и строго, чем неприкосновенность прижизненная.

И поэтому ровно так же, как не могло право пройти мимо разнообразных ситуаций причинения нечаянного вреда живому, не могло оно и отмахнуться от возможных ситуаций, когда нечаянный вред наносился уже умершему. Однако наиболее вероятные из подобных ситуаций (а в праве только наиболее вероятные и фигурируют, для редкостных есть ум судей, суждения по аналогии и опора на прецеденты) опять-таки были весьма специфичными. Им посвящена специальная статья, анализирующая, как это уже не раз бывало в рассмотренных выше текстах, не столько общебиологические коллизии, сколько особые социокультурные, обусловленные теми или иными особыми реалиями тогдашней жизни.

Статья 267 гласит:

Тот, кто, копая землю, обнаружил мертвеца и не закопал его снова, а также тот, кто, выкуривая на [чьей-либо] могиле лисицу (*юй чжунму сюнь хули 於冢基燻狐狸*)²³, сжег гроб и саркофаг, наказывается 2 годами каторги. Если было сожжено мертвое тело — 3 годами каторги. [В случаях] со старшими родственниками близости *сыма* и ближе соответственно каждому данному случаю наказание последовательно увеличивается на 1 степень²⁴. [В случаях] с младшими родственниками соответственно каждому данному случаю наказание последовательно уменьшается на 1 степень по сравнению с наказанием, [полагающимся за данные действия] постороннему человеку.

Комментарий уточняет, во-первых, что на строгость наказания никак не влияет то, насколько давно был похоронен человек, чей покой был непреднамеренно нарушен лопатой или огнем. Во-вторых, для облегчения задачи судей степени переводятся в конкретные наказания; указывается, например, что человек, оставивший под открытым небом случайно раскопанного старшего родственника близости *ци*, или нечаянно подпаливший его гроб и саркофаг, наказывается ссылкой на 2500 ли, а совершивший аналогичные действия в отношении безвременно усопшего младшего родственника той же близости *ци* — всего лишь 90 ударами тяжелыми палками. Разброс, как мы видим, огромный. Если же огонь повредил не только гроб и саркофаг, но и самое тело покойного, весь веер возможных наказаний сдвигался на 2 степени вверх, в силу того, что точкой для отсчета последовательного увеличения или уменьшения наказаний становились не 2, а 3 года каторги, полагающиеся за нечаянное сожжение трупа постороннего человека. Следовательно, человек, в меру своего разума боровшийся с оборотнем и сжегший тело младшего родственника близости *ци*, наказывался 1 годом каторги. Сожжение тела старшего родственника близости *ци* должно было бы наказываться, если считать по степеням, удушением. Однако здесь закон демонстрирует известную мягкость — возможно, учитывая, что нанесение вреда не было преднамеренным, а возможно, и то, что на могиле безупречного человека оборотень не заведется и перекладывая, как это мы не раз уже видели в ситуациях с

²³ Вряд ли есть нужда напоминать, что обитавшие среди могил лисы почти наверняка были оборотнями женского пола, иногда привечавшими талантливых юношей, но чаще, разумеется, вредившими людям. Описаниями подобных драм полна тогдашняя художественная литература.

²⁴ То есть в случае с родственником близости *сыма* наказание увеличивалось по сравнению с означенными в предыдущих фразах на 1 степень, в случае с родственником близости *сяогун* — на 2 степени, близости *дагун* — на 3 степени, близости *ци* — на 4 степени.

живыми, некую толику вины за случившееся на покойного. Увеличение наказания ограничивалось ссылкой на 3000 ли, полагавшейся за нечаянное сожжение тела старшего родственника близости *дагун*.

Однако никакие смягчающие наказание соображения не могли иметь места, если нечаянный вред наносился прямому старшему. Уже сама борьба с оборотнем, который завелся на могиле, например, прадеда или хозяина, демонстрировала, по всей видимости, высочайшую степень непочтительности и была уголовно наказуема. Прямой младший должен был благоговейно сносить от прямого старшего все, что угодно — и при жизни его, и после его смерти. Воспротивившись, он сразу ставил себя в уязвимое перед законом положение со всеми вытекающими из этого последствиями.

В той же статье 267 далее говорится:

Если сын или внук выкуривал лисицу на могиле [кого-либо из] родителей отца или [кого-либо из] родителей, либо *буцью* или *нуби* [делал это] на могиле [кого-либо из] хозяев, он наказывается 2 годами каторги. Если были сожжены гроб и саркофаг — ссылкой на 3000 ли. Если было сожжено мертвое тело — давлением.

Комментарий уточняет:

Когда говорят о сыновьях или внуках относительно родителей отца или родителей, правнуки, праправнуки, прадеды и прапрадеды по мужской линии приравниваются к ним²⁵. К *буцьям* и *нуби* приравниваются находящиеся при них *кэной*.

Очевидно, что обеспечение посмертной неприкосновенности в танском праве ничем принципиально не отличалось от обеспечения неприкосновенности прижизненной — ни в качественном, ни, по сути дела, в количественном аспекте. Оформлявшие прижизненную и посмертную неприкосновенность нормы права строились по одной и той же схеме, с учетом одних и тех же факторов (намеренность, субординация и т. д.) — и остается еще раз восхититься железной последовательностью и безупречной логичностью тогдашних правотворцев. Раз решив, что посмертное бытие не слишком-то отличается от бытия прижизненного и, во всяком случае, смерть одного из членов той или иной субординативной пары разрывает существующие между ними иерархические связи не в большей степени, чем, например, развод (а скорее даже в меньшей), то есть в смысле теоретическом оставаясь, в

²⁵ Терминами "внук", "прадед" и пр. охватывались и соответствующие родственники женского пола — внучки, прабабки и пр.

общем-то, вполне в рамках общечеловеческих представлений, они, однако, оказались непревзойденными мастерами претворения этой теории в конкретную юридическую практику.

Ценность личности, в том числе и посмертная, всегда могла быть только относительной. Она не могла быть измерена сама по себе, она не могла быть измерена раз и навсегда. Она в сильнейшей степени зависела, во-первых, от того, кто именно на эту личность посягал — то есть от того, каковы отношения между субъектом и объектом посягательства. Во-вторых, она зависела от способа посягательства — то есть от того, какие именно этические нормы при посягательстве нарушались, насколько пагубен был данный способ посягательства для морального климата в обществе в целом. В-третьих, она зависела от предыдущего поведения самой личности, ставшей объектом посягательства — то есть от того, нарушил ли этот объект сам когда-либо в прошлом закон, от того, спровоцировал он своими поступками данное посягательство, или нет, и т. д. В-четвертых, она зависела от текущего поведения объекта — то есть от того, обладал или не обладал объект возможностью защититься от посягательства сам, и если обладал, то в какой степени он имеющуюся возможность реализовал. Эти объективные и субъективные факторы, взаимонакладываясь, взаимодополняя, а подчас и взаимоподавляя друг друга, создавали сложнейшую динамическую картину, описать которую можно было лишь посредством целого ряда переменных характеристик, целого ряда, так сказать, уравнений, в каждое из которых надлежало подставлять диктуемые ситуацией конкретные величины.

V. M. Rybakov.

Some Aspects of Personal Security in T'ang China

This work continues the cycle of articles, researching the most important and most interesting components of the famous T'ang Law from the culturological point of view. As usual, precise translation of the T'ang Code is complemented by the careful and deep interpretations. Now the main subject is the security of person. The author consistently regards the variety of law sanctions against killing or attempts to kill in different situations. Firstly, the variety of sanctions when the victim and the criminal are of equal social status. Secondly, when they belong to the different statuses, including the ones within the family. Thirdly, when the way of encroachment is unusual, such as poisoning, witchcraft etc. Finally, the article considers the question of post-mortal security of person.